

УДК 124.5
ББК 87.6

К ВОПРОСУ О ГУМАНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ, АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

К.М. Никонов, О.В. Ивановская

Предпринята попытка философского анализа смысловых значений понятий «гуманизм» и «гуманизация». Анализируется их ценностная наполненность. Уточняются национально-этнический и культурно-исторический смыслы Идеала и его связь с гуманизацией личности в современном мире.

Ключевые слова: гуманизм, гуманизация, гуманистическая философия, гипериндивидуализм, ценность, Идеал, патриотизм.

Современная тенденция развития взаимоотношений человека и общества такова, что приоритеты сдвигаются в сторону индивида. На первый план вышли идеи гуманизма вообще и процессы гуманизации личности в частности. В связи с этим, нам кажется, совершенно необходимо определиться с теми смыслами, которые вкладываются в эти понятия.

Гуманизм в широком смысле – исторически изменяющаяся система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, считающая благо человека критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости, человечности – желаемой нормой отношений между людьми; в узком смысле – культурное движение эпохи Возрождения [11, с. 139].

Слово «гуманист» появилось впервые в конце XV в. (термин «гуманизм» был введен в научный оборот немецким педагогом Ф. Нитхаммером в 1808 г.) и стало обозначать зарождение нового человека, нового мировоззрения, проникнутого критицизмом и светскостью. Центральная идея гуманизма –

актуализация возможностей, заложенных в индивиде, всесторонняя культивация его достоинства.

Нам представляется необходимым подчеркнуть важность осторожного, внимательного и чуткого обращения с теми смыслами, которыми оперирует сегодня общественная мысль. В связи с этим позволим себе несколько замечаний.

Прежде всего, нужно различать два, казалось бы, схожих, но имеющих, на самом деле совершенно разные смысловые значения понятия, – «достоинство» и «гордыня». Достоинство понимается как осознание себя созданным по образу и подобию Божию, что накладывает на человека огромную ответственность перед миром, в котором он – «венец природы», а значит, открывает путь к его самосовершенствованию.

Гордыня означает стремление человека быть самостоятельным, самодостаточным, когда «он сам может быть Богом»; главная цель в этом случае – удовлетворение чувства собственного превосходства над другими людьми, природой и даже Богом. Происходит бунт против авторитетов, стремление не подавлять, а всячески потворствовать своим инстинктам, сексуальным и агрессивным побуждениям. Получай удовольствие за счет других, здесь и сейчас, – именно этот принцип провозгласил Энтони Шандор Ла Вэй в 1968 г. в своей «Са-

танинской Библии». Зло – идеальная мудрость, жизнь – это насилие, каждый сам себе Бог. Мечь, а не подставление для удара другой щеки, пресыщение в противоположность воздержанию – вот главные мотивы современного сатанизма как предельного эгоцентризма.

Отметим, что сатанизм можно понимать в узком, религиозном, смысле, как один из современных деструктивных культов, который обретает, кстати, все большую популярность в молодежных кругах именно за счет своей вседозволенности. В широком, философском понимании сатанизм – это предельный эгоцентризм, являющийся прямым продолжением и следствием гипериндивидуализма как абсолютизации роли человека в его отношениях с обществом, когда в центре внимания находится именно индивид, а не класс или социальная общность [2, с. 412]. Следовательно, говоря о необходимости культивации достоинства личности, надо избегать опасных «перекосов» смысловых полей и тщательно заботиться о верной расстановке акцентов.

В культурно-историческом плане гуманизм, как ведущий вектор общественных настроений и результат смещения ценностных приоритетов, произошедший в эпоху Возрождения, был не чем иным, как возвращением к антропоцентризму великого античного мыслителя Сократа, считавшего, что весь мир создан богами для и во имя человека. Спустя тысячелетие европейского Средневековья Человек снова в центре внимания философии. То есть наблюдается возврат к античной идее, но это кажущийся возврат, теперь человек занял место Бога – Бога потеснили! Человек встал на место Бога! Провозглашается гуманизм как система ценностей. Чтобы выяснить, каких именно, нужно рассматривать эту эпоху в сравнении со Средневековьем, главной философской идеей которого был теоцентризм.

В чем был смысл жизни средневекового человека? В жизни вечной (достижение рая после смерти). А значит, вся реальная жизнь воспринималась как «трамплин», подготовка к будущей вечности и сама по себе ценности не имела. Важно было успеть пройти путь обожения, то есть приблизиться к Богу в своих моральных качествах, подчинить свою плоть Духу, а из этого вытекает аскетический образ

жизни и преобладание внутренних мотивов для самоактуализации.

В эпоху Возрождения Человек рассматривается как высшая цель и ценность, а значит, утверждается и новая система ценностей: жизнь ради самой жизни – жизнь как самоценность, смысл которой – любовь, удовольствие и наслаждение (возвращается античный гедонизм), творчество и активность вместо средневековой созерцательности. Но в эту эпоху антропоцентризм и гуманизм оказались тесно связаны с индивидуализмом, получившим бурное развитие в европейском сознании именно в эту эпоху в связи со сменой социально-экономического уклада и переходом к капитализму. Мы уже сказали, что Бога потеснили и человек занял его место. Важно подчеркнуть, что вплоть до наступления эпохи Возрождения человек мыслил коллективными категориями *Мы (свои)* и *Они (чужие)*. Человек не мог выжить в одиночестве. Более того, этот древнейший вектор человеческого сознания, заставляющий нас все, с чем мы соприкасаемся, даже неосознанно разделять на «наше» и «не наше», актуален до сих пор. И, кстати, исторический момент, когда *Я* выкристаллизовалось из *Мы*, люди пережили как великую трагедию!

С наступлением европейского Ренессанса человек противопоставил себя окружающему его миру: «*Я – и весь мир!*» Появилось личностно-материальное понимание реальности. И в этом процессе не последнюю роль сыграла Реформация (идея Мартина Лютера о возможности спасения личной верой). По сути, была отвергнута одна из ведущих идей христианской церкви – идея Соборности, коллективизма, представление человека о себе как о неотделимой части единого целого.

Как ни парадоксально, но именно великая идея Сократа, превратно истолкованная, позволила человеку однажды заявить: «*Я и есть Бог!*» А это уже *сатанизм* в широком, философском понимании этого слова.

Сатанизм – почему это плохо? Во-первых, сатанист использует весь мир как средство для достижения своих целей, а еще И. Кант призывал относиться к людям всегда как к цели, и никогда – как к средству.

Во-вторых, выступая против коллективного чувства «Мы», сатанист разрушает ос-

нования социума, само общество, превращая человека из существа социального и культурного в существо исключительно природное – в «работающего зверя», как назвал человека в начале XIX в. Серен Кьеркегор. Но ведь именно культурная составляющая делает человека Человеком и Личностью. В этом плане культура всегда надприродна, она подавляет «звериное начало» в человеке и в процессе ее интериоризации заставляет индивида поступать согласно социально одобряемой норме, а не животному инстинкту (на всякое «хочу» общество накладывает свое «табу»).

Философия издревле пыталась найти пути сочетания интересов личности и общества, создать системы социальной защищенности человека и условий для его свободного развития, иными словами, уклад жизни, при котором человек на деле выступает «мерой всех вещей».

Однако и фривольное толкование известного высказывания Протагора не столь безобидно, как кажется на первый взгляд. Ведь главный смысл, который античный философ вложил во фразу «Человек есть мера всех вещей...», не столько гуманистический, сколько субъективистский: ничего общего и обязательного для всех нет, никаких единых принципов или законов не существует, каждый из нас сам себе устанавливает правила и ориентиры, по которым должна протекать его жизнь. Любое воззрение настолько же истинно, насколько ложно. Все можно и доказать, и опровергнуть, противоположные суждения совершенно равносильны. Таким образом, из субъективизма софистов, к которым и относился Протагор, вытекает релятивизм – положение об относительности всего сущего и мыслимого [3, с. 81]. А от релятивизма остается один шаг до вседозволенности.

Так что же понимать под *гуманизмом* и *гуманизацией* человека?

Ориентация на ценности, а не на потребности, на стремления, а не на влечения рассматривается *гуманистической* философией как отличительный признак зрелой личности [11, с. 140]. Причем под стремлениями понимается нацеленность человека на достижение идеала, который и служит системой координат для личной самоактуализации. Уместно вспомнить слова видного русского фило-

софа И.А. Ильина о том, что человек нуждается не в истинах, которые служат ему, а в истине, которой мог бы служить он сам [4, с. 137]. Следовательно, *гуманизм* есть постоянный поиск смыслов и путей самореализации личности [7, с. 3].

Человек в своей жизни, как отмечал Э. Фромм, неизбежно сталкивается с дихотомиями, заложенными в самой сути его существования. Это противоречия между жизнью и смертью, желаниями и возможностями и т. д. Стремление разрешить эти противоречия приводит в движение все человечество. Каждый человек свободен решить эти дихотомии по-своему. Он должен принять на себя ответственность за самого себя и признать, что только собственными усилиями он может придать смысл своей жизни. Только если он разберется в сути своего реального положения, дихотомиях, присущих его существованию, он осознает свою способность раскрыть все свои силы, он преуспеет в решении своей задачи: быть самим собой для себя самого и достичь счастья, в полной мере реализовав свои глубоко человеческие качества – разум, любовь и продуктивный труд [13, с. 154]. Следовательно, человек – это не то, что он есть, а то, чем он может стать.

Ибо только преодолевая самого себя, подавляя низкие желания и порывы, обогащая свой духовный мир, человек становится по-настоящему свободным и получает право называться Человеком в полном, высшем смысле этого слова.

Приверженность какой-либо цели, идее, Идеалу или сверхъестественной силе, к примеру Богу, есть выражение потребности осуществления полноты существования. Следовательно, полнота и смысл жизни человека заключаются в *служении выбранному Идеалу*.

Зрелый, продуктивный, рациональный человек будет стремиться к выбору такой *системы*, которая позволит ему быть зрелым, продуктивным и рациональным. Человек, задержавшийся в своем развитии, вынужден вернуться к примитивным и иррациональным системам, которые, в свою очередь, еще более усиливают его зависимость и иррациональность. Э. Фромм утверждает, что нет иного, более сильного источника человеческой энергии, чем эти системы. Человек не свободен в

выборе – иметь или не иметь ему «идеалы», но он свободен в выборе между разными идеалами: поклоняться разрушительным силам или разуму и любви.

Переживание человеком мира и себя в этом мире можно рассматривать как главную психологическую реальность. При этом сам мир понимается феноменологически – как действительность, данная субъекту в его опыте, переживании, преломленная через призму смыслов и ценностей субъекта. Уникальность каждого человека выводится не из индивидуальных различий наследственности и условий среды, но, прежде всего, из уникальности жизненных целей и смыслов, реализуемых человеком. Человек – активное, интенциональное, творческое существо, свободное в выборе своего отношения к внешним обстоятельствам, способное трансцендировать условия своего существования и даже себя самого.

Что же такое *Идеал* и как он соотносится с системой *ценностей*?

Мир человека – всегда мир ценностей, он наполнен для него смыслом и значениями. Ценностное отношение, в свою очередь, возможно только там, где реально присутствует человек, являющийся носителем и субъектом ценностного отношения. Сами по себе вещи и события в их безотносительности к человеку, к жизни социума, не существуют в категориях ценностей.

Как можно философски определить понятие «ценность»?

Ценность – это факт культуры, она социальна по своей сути. Это функциональный и при этом непременно объективно-субъективный феномен. Ценность – это не сам предмет или явление, а *отношение* человека к предмету и явлению. По определению американского социолога Толкотта Парсонса, «ценность» в общем смысле употребления этого термина означает желательность, предпочтительность или пригодность чего-либо, имеющего отношение к человеку.

Стержнем культурных ценностей, объединяющим их, является понятие нравственности, без которой все виды ценностей потеряли бы всякий, кроме грубого потребительского, смысл. Нравственный императив придает ценностным ощущениям стимул к деятельному выражению и обеспечивает их ду-

ховной энергией, без которой не было бы самой культуры.

В работах отечественного исследователя Л.В. Баяевой ценность понимается как смыслозначимая цель существования, оказывающая трансформирующее влияние на актуальное бытие. Ценности могут быть определены как субъективный поиск преодоления ограничений природно-социальной программы, обретения источника, усиливающего, умножающего, преодолевающего, совершенствующего индивидуальное бытие, выводящего его на новый уровень качества. Ценности могут быть квалифицированы как доминанты сознания и экзистенции, направленной на достижение совершенного бытия, креативно влияющей на внутреннее развитие личности и окружающий мир через наполнение их значимостью и смыслами. Соединяя человека и мир узами значимости, ценности преобразуют обе стороны этого отношения в направлении должного [1, с. 19]. Ценность наполняется значимостью в сознании и оказывает трансформирующее влияние на актуальное бытие, изменяя физическую природу человека – ослабляя эгоцентризм, потребность в мести, неограниченном удовлетворении сексуального влечения, желании власти. По мнению З. Фрейда, это имеет негативные последствия, и «вытесненные» инстинктивные стремления ведут к потере психического здоровья и время от времени вызывают взрывы насилия и агрессии [12, с. 94]. Однако тот же Фрейд считал, что единственный способ преобразования инстинктивной энергии, не ведущий к психическим заболеваниям, – сублимация, то есть одухотворение, выражающееся в творчестве. Оно, в свою очередь, приносит человеку большее удовлетворение, чем следование своему инстинкту (цит. по: [9, с. 99]).

Личность как уникальное сочетание присущих ей способностей даже в стремлении к объективному идеалу остается неповторимой. Мир сознания, переживания, чувствования бесконечен, поэтому бесконечно многообразны оценки самого мира. Оценивая что-либо, каждый субъект «высвечивает», обнаруживает в этом свою индивидуальность и сущность. Поэтому роль ценностей оказывается креативной, строящей структуру личности с учетом субъективных

предпочтений и свободного выбора пути саморазвития [1, с. 22].

Важнейшей категорией в системе ценностных ориентаций личности является *идеал*. Известный отечественный психолог С.Л. Рубинштейн обратил особое внимание на то, что в идеале осуществляется «предвосхищенное воплощение» того, чем может стать человек. В идеале осмысленно синтезируются личностью ведущие ценности прошлых поколений, ее оценка настоящего и представления о будущем. Следовательно, *проектная* и *ценностно-ориентационная* деятельность человека в рамках духовной культуры связаны именно понятием идеала. Поскольку идеал есть представление о совершенном образе, о желаемом, то он теснейшим образом связан с целями, которые ставит человек перед собой. Идеал является тем ориентиром, который и определяет направленность целей. В этом смысле он представляет собой проекцию настоящего в будущее. С другой стороны, идеал, как в той или иной степени сформированное личностью понятие совершенного, выступает в качестве критерия для оценки существующей действительности. И в данном случае он – проекция будущего на настоящее. Таким образом, идеал выполняет двоякую функцию: во-первых, прогностическую, целевую – создает более или менее постоянную интенсивную систему нравственных устремлений (ценностных ориентиров); во-вторых, оценочную – является нравственным критерием поступков человека в различных жизненных ситуациях. Следовательно, существенен не предметно-вещный, а предметно-человеческий аспект любого действия, не абстрактные свойства предмета как «вещи в себе», а *отношение* человека к предмету, то есть личная составляющая человеческой активности [8, с. 489].

Особенностью идеалов является их *большая индивидуализированность* по сравнению с другими формами ценностей. Нравственные нормы, принципы личности представляют собой в той или иной степени усвоенные ею извне, уже сформированные в культуре требования должной морали. Это происходит в процессе социализации, когда ценности «присваиваются» личностью в уже готовом виде. Идеалы же, особенно идеалы-цели, личность всегда «фор-

мулирует» сама, опираясь, конечно, на ценностные системы общества.

Важной особенностью идеала, по мнению М.С. Кагана, является то, что он, будучи высшей по степени обобщенности ценностью, предопределяет выбор практически всех других ценностей личности, превращаясь тем самым в ее внутренний стержень. «Идеал есть не что иное, как род проекта, воплощающий представление о совершенстве человека и совершенной организации жизни человечества (потому само понятие “идеал” имеет поэтический эмоциональный ореол, в отличие от прозаически звучащих терминов “проект” и “модель”). Поэтому идеал, в отличие от ценностно нейтрального проекта, является носителем наивысшей ценности, тем самым направляя человеческое поведение в нравственной, эстетической, политической, религиозной сферах и служа критерием оценки реальности в каждой из этих сфер. Такими возможностями идеал обладает потому, что в отличие от идеи – при всей близости этих понятий – идеал является не абстрактным, обобщенным формулированием определенной ценности (блага, добра, справедливости и т. п.), а конкретным представлением о “потребном будущем”, образом этого желаемого будущего. Вот почему, вопреки распространенному убеждению, что теоретическое обоснование идеалов осуществляет *идеология*, поскольку она решает эту задачу по отношению ко всему миру ценностей, следует заключить, что теория идеала есть *идеалогия*, а не *идеология* – теория идей» [5, с. 251].

Мы рассмотрели идеал в личностном аспекте, однако есть и второй смысл идеала – как цементирующего, объединяющего социум феномена. Процветающими общество и культура могут считаться, если достигается совпадение, единство личного и общего для всего народа идеала. Такое общество непобедимо и имеет надежное будущее.

Известный французский мыслитель Г. Лебон в своей работе «Психология народов и масс», выделив в истории человеческой цивилизации три этапа – Язычество (каждый человек волен верить во что угодно), Нация (появляется единый, консолидирующий общество идеал) и Неоязычество (у общества вновь нет объединяющего народ идеала), весь-

ма определенно обозначил главную гуманистическую проблему нашего времени – проблему *бездуховности* современного общества, ценностного вакуума и отсутствия консолидирующего социум идеала [6, с. 309]. Поэтому все чаще наши дни характеризуются философами как «*антикультура*» с присущей ей «*нулевой нравственностью*».

В связи с этим важно подчеркнуть две вещи: *во-первых*, на первый план выходит необходимость немедленного поиска объединяющей народ Национальной Идеи, того самого цементирующего идеала; *во-вторых*, этот общественный идеал должен быть интериоризирован каждым индивидом. Важно, чтобы он совпал с тем внутренним стержнем, вокруг которого человек выстраивает себя как личность и которому служит до конца.

Что же может объединить современных людей с присущими им столь разнонаправленными ценностными векторами? Мы склонны считать, что это наша многострадальная история и великая российская культура, а значит, единое для всех нас чувство патриотизма. Это чувство сегодня подверглось серьезным испытаниям.

Русский религиозный философ И.А. Ильин выдвинул весьма жесткий критерий идеала: идеал – это то, за что человек способен безоговорочно отдать свою жизнь [4, с. 142]. Однако на вопрос «За что Вы готовы безоговорочно отдать свою жизнь?» современные молодые люди, даже не задумываясь, отвечают: «Ни за что!» Это симптом ценностного и мировоззренческого вакуума. Неужели россияне утратили великое чувство коллективизма, когда «один – за всех, и все – за одного»? Думается, не все так плохо, как кажется на первый взгляд. Исследование ментальности разных народов, предпринятое З.В. Сикевич, в процессе которого проводился сравнительный анализ наиболее выраженных черт национального характера у представителей нескольких этносов [9, с. 121], убедительно показало, что чувство патриотизма имеет национальные особенности. Так, если у американца из десяти наиболее ярко выраженных признаков национального характера, выстроенных в порядке их убывания, патриотизм стоит на первом месте, что позволяет определить его как «воинствующий», то у русского этот признак находится на восьмом месте, что может свидетельствовать не

столько об его слабой выраженности, сколько о его специфичности – это «экстремальный» патриотизм. И действительно, американский образ жизни как некий образец навязывается всему миру. Русский национальный характер отличается своей толерантностью, иными словами, наш патриотизм не выпячивается, а «дремлет» до того момента, пока не возникает серьезная и реальная угроза Отечеству. Достаточно вспомнить, что те же молодые люди, которые не были готовы пожертвовать своей жизнью, попадая в экстремальные обстоятельства, не жалеют себя, защищая интересы и жизнь своих сограждан.

Российская Национальная Идея должна основываться на чувстве патриотизма и великом долготерпении, толерантности титульного, нациеобразующего этноса. Ибо без этих национальных качеств существование полиэтнической российской цивилизации было бы невозможно.

Позволим себе сделать некоторые выводы.

От принципа тотального коллективизма и обезличенности маятник социальных отношений качнулся сегодня в сторону предельного эгоцентризма и девальвации социально-культурных ценностей. Важно, избегая таких крайних позиций, вернуть их в серединное положение, в гармоничное равновесие: при всей значимости личностных ценностей и ценности личности не забывать, что человеческое в человеке представлено социальной и культурной составляющими. Следовательно, *гуманизация* – это реанимация и актуализация социально-культурной составляющей личности, включение человека в процесс интериоризации общественно значимой нормы, а не целенаправленное удовлетворение все возрастающих утилитарно-гедонистических потребностей. А значит, не только и не столько социализация, сколько инкультурация как облагораживание человеческой природы через приобщение к национально-культурным ценностям – традициям, религии, вере. В каком-то смысле, *гуманизация* – это *самоотчуждение человека* в интересах общества и культуры. *Цель гуманизма*, на наш взгляд, – воспитание толерантного этнофора, способного воспринимать и оценивать мир сквозь призму своей национальной культуры и готового к равноправному и конструктивному диалогу культурных инаковостей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баева, Л. В. Экзистенциальные основания религиозности / Л. В. Баева // Известия ВГПУ. – 2006. – № 2 (15). – С. 18–23.
2. Волков, Ю. Г. Человек : энцикл. словарь / Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов. – М. : Гардарики, 1999. – 520 с.
3. Гусев, Д. А. История философии / Д. А. Гусев, Р. В. Манекин, П. В. Рябов. – М. : Филол. о-во «Слово» : Эксмо, 2004. – 448 с.
4. Ильин, И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин // Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М. : Республика, 1993 – 431 с.
5. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб. : ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
6. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб. : Мекет, 1995. – 316 с.
7. Никонов, К. М. Теоретико-методологические основания западной педагогической антропологии / К. М. Никонов // Известия ВГПУ. – 2006. – № 2 (15). – С. 3–8.
8. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер Ком, 1999. – 679 с.
9. Сикевич, З. В. Социология и психология национальных отношений / З. В. Сикевич. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 203 с.
10. Теории личности в западно-европейской и американской психологии : Хрестоматия по психологии личности / сост. Д. Я. Райгородский. – Самара : Бахрах-М, 1996. – 480 с.
11. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев [и др.]. – 2-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1989. – 815 с.
12. Фрейд, З. Будущее одной иллюзии / З. Фрейд // Сумерки богов : [сб.]. – М. : Политиздат, 1990. – 398 с.
13. Фромм, Э. Человек для самого себя / Э. Фромм // Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М. : Республика, 1993. – 415 с.

**ON THE PERSON HUMANIZATION PROBLEM:
CULTURAL, HISTORICAL, AXIOLOGICAL AND ETHNIC ASPECTS**

K.M. Nikonov, O.V. Ivanovskaya

The authors attempt to give some philosophical analysis of «humanism» and «humanization» concepts and their semantics. Their axiological component is investigated. The Ideal national-ethnic and cultural-historical senses alongside person humanization in the modern world are specified.

Key words: *humanism, humanization, humanistic philosophy, hyperindividualism, value, Ideal, patriotism.*